

Библиотека северной поэзии

Виктор Коротяев
СТИХИ И ПОЭМЫ

Северо-Западное книжное издательство

1

9

7

2

С Т И Х И

ЖРЕБИЙ

Живу в этом мире. Живу.
О, как мне непросто живется.
Глядят сквозь меня в синеву
Разверзнутой пастью колодцы.
Растут сквозь меня, не спеша,
В суставах окрепшие травы,
С целительным соком смешав
Снедающий пламень отравы.
И каждая боль их, остра,
Пройдя по моим волокнам,
Как хряский удар топора,
Под пятым ребром отдается.
Я в почву, как дерево, врос.
И, словно подавшись из кочек,
Земная скрипучая ось
Прошла через мой позвоночник.
К Венере уйдут корабли
От русского смеха и грусти,
И только меня от Земли
Земля никуда не отпустит.

Я в прошлое гляжу нередко,
Стремясь вернее угадать
Тех бородатых наших предков,
Что жили в давние года.
Работой выпитые лица,
Глубокий и тяжелый взгляд,
И злые острые ключицы
Из-под худых рубаш
Торчат.

«Эх, доля наша...
Чтоб те согнуть!» —
А в голосе такая грусть!
Они плюют и горбят спину,
Ругая нищенскую Русь.
Но стоит только им прослышать,
Что вдруг с какой-то стороны
Сосед

с несметным войском вышел,
Поганя земли их страны,
Они, свои отринув беды,
Опять берут доспехов груз —
И бьют татар,
И рубят шведов
За эту самую же Русь.
Им наша Русь
Из дальней дали
Светила светом молодым.
И коль они

за ту
стояли,

То мы
за эту
постоим!

Река работала, как лошадь,
В сглоблях тесных берегов.
Она несла такие ноши,
Что мыло падало с боков.
Косилась охровая осень
На всроную масть воды,
И, как несмазанные оси,
Скрипели грузные плоты.
Река пыхтела от натуги,
Но все же, гордая судьбой,
Мосты железные,
Как дуги,
Несла высоко над собой.
И плотогоны в кепках пегих,
Со лба стирая пот рукой,
Стояли,
Будто на телеге,
Расставив ноги широко.
Река несла свой жребий стойко
И продолжала трудный путь,
Мечтая в бухте,
Словно в стойле,
Хотя б часок
Передохнуть.

ДЕРЕВЬЯ

Отношусь к суеверьям с большим недоверьем.
Но опять слышу я

сквозь густой листопад:
Будто души загубленных мною деревьев
Под окошком моим, негодуя, скорбят.
На дорогах,

где грязью за волоком волок,
Чтоб трехтонку продвинуть
на лишний увал,

Я по локоть
откручивал руки у елок

И по талии
с хрустом березы ломал.

В сотый раз уморясь на проселках осенних,
Я старался не думать про совесть мою,
И рябине вонзал я топор
под колени,

А потом сапогами
вминал в колею.

Как молилась осинушка в страхе великом!
Но тащил я ее без пустой суетни,
И она

окровавленным теплым затылком
Колотилась, обмякнув,
о кочки и пни.

Я чернел.
Но деревья поникшие — снова

Я валил,
хоть и знал, что под небом глухим
Всем, что в душах у нас и осталось
святого,

Мы обязаны в первую очередь
им.

Леониду Беляеву

О, если б мы, добры и чутки,
Смогли увидеть на момент
В сосне
Не будущие чурки,
А музыкальный инструмент.
В благодарении за светлый,
Хотя и мимолетный, взор
Она настроила бы ветви
На очищающий минор.
И, золотясь на свежей мете,
От счастья таяла б смола,
Когда бы мягко взялся ветер
За гриф певучего ствола.

Но все не тем забиты души.
И потому который год,
В себе обиженно замкнувшись,
Сосна шумит,
А не поет.

Я ночевал под старым виноградом,
Что для хозяев был, как свой лесок.
А поутру я чувствовал, как рядом
Тугие гроздья добирали сок.
Еще с полузакрытыми глазами,
Не скидывая тонких покрывал,
Чуть приподнявшись,
влагжными губами

Я дымчатые ягоды срывал.

А на гряде

у древнего колодца,
Горячим светом озаряя двор,
Всходило доморощенное солнце —
Налившийся пунцовый помидор.
Я шел к столу, позевывая сладко,
И что-то баритоном напевал.
Простые люди среднего достатка
Меня опять сражали наповал.
Казался стол и короток, и узок
От колбасы, ватрушек и вина,
Со скрипом прогибалась под арбузом
Ореховой столешницы спина.
Хозяйка же, не слыша возражений —
И этим по-особому мила, —
Полтазика прожаренных пельменей
Пристраивала с краешка стола.
И вспоминались мне родные села,
Где, зная, что такое хлеб и труд,
Не меньшие, конечно, хлебосолы
В сосновых избах

сызмальства живут.

Я там бывал и не однажды буду.

Туда приди в любое время дня —

И всем, что есть,

приветливые люди

От всей души

попотчуют меня.

И будут возвышаться грузди в плошке,

И бабка,

скинув крышку на шесток,

Большой чугунок

разваристой картошки

Передо мною выставит на стол.

Наслышался сказок и я,
Что все азиатские склоны
Усеяли, как медальоны,
Литые плоды миндаля.
Что там семицветным ковром
Разустлана каждая тропка
И сами вспухают кругом
Холмы невесомого хлопка.
И чтобы на старости лет
Виденья меня не терзали,
Я самый дешевый билет
Купил на дождливом вокзале.

...Теперь вспоминаю одно:
Как люди упорно стучатся
Железом

 в зеленое дно
Почти неоглядных плантаций.
Под солнцем, палящим весь день,
Свое ремесло понимая,
Горячий

 тяжелый кетмень
Они высоко поднимают.
И я, принаряжен и тих,
Искавший чудес безуспешно,
Смотрю суеверно на них
И лишь на себя —

 с усмешкой:
Решаю в такие года
Такие пустые задачи,
Как будто богатство когда
Людьми добывалось иначе...

Катятся тяжелые колеса
Ухают железные мосты,
И, зажав глазенки,
на откосах
Вздрагивают ранние цветы.

Провода дрожат от напряженья,
Брызжут искры с проволочных жил.
Грохот безоглядного движенья
Всей округе уши заложил.

...Так, устав от бешеной погони,
Взял и где-то вышел наугад.
Просто захотелось сердцу вспомнить.
Как же колокольчики звенят...

И уважение, и честь,
И дух достатка обитает...
Как будто все, что надо, — есть,
Все.
А чего-то не хватает.
И по колдобинам не лень
Трястись
 и прыгать по кореньям,
Но хоть на месяц,
Хоть на день
Скорей —
 из города в деревню.
Где ты неведом никому,
И потому
В полночной дреме
Не угадать,
В каком дому
Тебе постелят на соломе.
Ты утром выглянешь в окно,
Услышишь дальний звон уздечки,
Увидишь сгнившее гумно
И чистый ельник возле речки,
Пройдешь осокою к пруду
И посветлеешь снова взглядом:
Тут все, что надо, —
 на виду,
А больше ничего не надо.

МАЛЬЧИШКИ ИЗ ДАЛЕКИХ ДЕРЕВЕНЬ

Приеду на попутном драндулете
По старой моде

в кепке набекрень.

Ну, как вам поживается на свете,
Мальчишки из далеких деревень?
Все так ли вы

по травушкам России,

Вперегонки попробовать не прочь,
До заморозков носитесь босыми,
Чтоб попусту обутку не толочь,
Смакуете под взглядами домашних
От апельсина городского треть
И присланные братьями рубашки
Подолгу не решаетесь надеть?
Пускай я вам далеко не ровесник,
Но вы меня стыдиться не должны:
И у меня

на самом видном месте

Некстати протираются штаны,
Я словно чую ваших рук усталость,
Уже пропахших горечью коры,
Которым преждевременно достались
Забытые братками топоры.
Мы нашу встречу шуткой обогреем,
Мы вдоволь нашатаемся в лесу.
Я привезу вам

новых батареек

И лампочек вам тоже

Привезу.

Расспросите меня вы о столице,

А для себя задумаете впредь

На поезде

хоть разик прокатиться

И на дома большие поглядеть.

И я пойму

с постыдным запозданием

Что, набираясь разума и сил,

Я исполнение собственных желаний

Терпеньем вашим

щедро оплатил.

Я в город нынче выберусь пораньше,

Едва ли и неделку протяну,

Острее

от незлобivosti вашей

Осознавая давнюю вину.

А дома встречу ваших одногодков,

Завидующих больше, что ни день,

Грибам,

И лесу,

И косовороткам

Мальчишек

из далеких деревень.

Я для сосен, видно, создан,
для осинников,

Для полянок,
где горланят косачи.

Почему ж я не шатаюсь по России,
По-пастушески штанины засучив?

Я бы ягод не давил, налитых грозами,
Не заслуживал березовых светлиц,

На рябинах угнездившиеся звезды
Не сшибал бы из рогатки,

Как синиц.

Лучше в сумерках бы я, орешки щелкая,
Речи тайные деревьев и светил,

Разумеется, в соавторстве с трещоткой
На язык стиха

шутя переводил.

Погрустив, что люди песен не заметили,
Я общипанному в драках петуху,

Ночевать расположившись на повети,
Всю бы душеньку раскрыл

Как на духу.

Но опять меня — на радость ли, на горе ли —
Наставляет тесть мой будущий, хрипя:

«Ты служи-ко чередом

в своей конторе,

Коли хошь,

чтоб отдал дочь за тебя, —

Он в глубоком блюде рыбу ловит ложкою,
Он поверх очков глядит,

неумолим: —

Находились мы

в резиновых сапожках,

Мы теперь

мягких тапочков хотим».

И, мудря над закоптевшей керосинкою,
Желтым пальцем

тычет в милую мою:

«Вон теперь

твоя кудрявая осинка,

Сызмалей росла

в осиновом краю».

И — отложено с деревьями свидание.

Только я и на огне не отрекусь,

Что была и есть моя исповедальня —

В петухах и подберезовиках

Русь.

Над Русью проплывают облака
 Торжественно, светло и величаво.
 Вослед за ними тянется река,
 Но слишком суетлива и петлява.
 В отчаянье утраивая пруть,
 Она под облаками, в напряженье,
 Пытаясь их хотя бы отразить,
 Не может и того
 Без искаженья.
 А облака степенны, как всегда,
 Но будто сквозь одно с порывом ветра
 Просунется космато борода
 Лукаво усмехнувшегося смерда.
 Над реденьким пlying березняком,
 Над вытопанным выпасом коровьим,
 Упятавшийся в облаке другом,
 Вдруг недовольный старец
 Сдвинет брови.
 И для меня настанет миг,
 когда
 Я ощущу тревожно каждой клеткой,
 Что не уйти от вечного суда
 Неусыпающего ока предков,
 Следящего за мной то черным дном
 Рассохшейся по старости кадушки,
 То сумеречно —
 кедровым дуплом,
 То лунно-
 влажным камнем у речушки.
 Мне все как бы старается внушить
 Ту мудрость, утвержденную веками:
 Мол, ежели на свете жить, так жить.
 Зачем --- рекой,
 Коль можно — облаками.

НА СЕНОКОСЕ

Александру Романову

Повалили ребята девок —
и ну жать.
Те не знают, чего поделать:
давай визжать.
Бабы бросили грабли наземь
и галдят,
А потом принялись разом
за ребят:
«Нет ума у вас — ой вы, лешие, —
ни на грош.
Разошлись малолетки тешиться —
не уймешь».
Мужикам против баб — где же им:
перевес.
Проявили сперва сдержанный
интерес.
Да ребят подзудил дедушка,
хоть и сед:
«Мягче будут! Помять девушку —
не во вред!»
Мужики тогда не просрочили —
благодать, —
Принялись молодняк в очередь
направлять:
«Ты похлопай свою соседушку —
не омман —
Закатилась твоя денежка
к ней в карман.
Хитро спрятала востроглазая
барыши.
Да за пазухой-то, за пазухой
поиши».
Девки вырвались — а в глазах круги —
да бежать,
А густая трава за ноги
их держать,

Музыка льется с небес
В светлые горницы полдня.
От удивления лес
Ушки топориком поднял.
Не оборвется игла
Неосмотрительно с елки,
Даже листва замерла,
И колокольчики смолкли.
Выйдя из хвойных глубин,
Высшей покорные силе,
Все ручейки, как один,
Вдруг язычки прикусили.
Музыка льется смелей
В ясные горницы мая,
Видно по лицам детей:
Вправду она не земная.
И потому допоздна,
В такт головою кивая,
Только сама тишина
Тоненько ей подпевает.

Прекрасно однажды в России родиться
Под утренний звон золотого овса!
Твое появление приветствуют птицы,
Сверкают, на солнце искрясь, небеса.
Пока, озабочены снами твоими,
Ромашки гадают о новой судьбе
И ветром достойное ищется имя, —
Кукушка пророчит бессмертье тебе.
Еще и усы не подкручивал колос —
Уже для тебя начались чудеса:
Тебе ручеек преподносит свой голос,
А лен зацветающий — дарит глаза.
Свой смех — колокольчик,
Роса — свои слезы,
Прическу — конечно, волнистая рожь,
И статность тебе обещает береза:
Когда пожелаешь,
Тогда и возьмешь.
Здесь каждый спешит к тебе с собственным

даром:

Бери, запасайся на множество дней.
А плата... какая?
Расти благодарным
Да будь всюду верным
Природе своей.

Откуда сразу столько света
И хмельной благости святой?
А это выходило лето
И стало брагой золотой.
От проясняющихся далее
Легко кружится голова,
И пеной в кружках
Опадает
С прощальным шелестом
Листва.
А за примолкшею опушкой
Уже под вербушкой одной
Ледком прихвачена речушка,
Как будто первой сединой.
Но, поражая, этот даже
Пророчески-печальный вид
Уму собою много скажет.
Но разве душу отрезвит?
Томится сердце новой силой,
И перед осенью опять,
Как перед женщиной красивой,
Вдруг хочется
Красивым стать.

ТЕРПЕНЬЕ

И слышится мне — сердцу тяжело, —
Как ветер северный резка,
Казарменная,
Нарастяжку,
Непроходимая тоска.
И видится мне непрестанно
Необогретый солнцем день
И осененная крестами
Убогость нищих деревень.
А рядом в царственной истоме
Пощечиною бедноте
С балконом барские хоромы
В полуленивой красоте.
Там — упоительность мазурки,
Там — откровенность женских плеч,
И ослепительные руки,
И восхитительная речь.
А на конюшне
 с диким пеньем
Гуляют розги по спине.
...О, это русское терпенье,
Осознанное не вполне,
Угрюмо,
Глухо,
Непреклонно,
В глазницах с дьявольским огнем,
Как пар в котлах перекаленных,
Копящееся день за днем.
Что каждый нерв в мужицком теле
Порой топорщит, как сучок,
Что в русской кровушке издревле
В обнимку с силою течет.
Терпенье, что тяжеле камня,
Острее сапожного ножа,
Которое молчит покамест,

Собой до срока дорожа,
Чтоб вызреть,
Выходить,
Налиться,
Заполнить погреба сердец,
До нестерпенья накалиться
И —
Разразиться
Наконец.

Доверчивым сердцем славянским
Беспечная стайка берез
Осеннюю щедрость и ласки
Опять принимает всерьез.
И бросив другие занятия,
С рассвета и вплоть дотемна
Березки

 по вкусу и стати
Себе подбирают тона.
Счастливо шумят на опушке,
Красуясь у всех на виду,
Как будто забыли простушки,
Чем кончили
В прошлом году.

Сидели бабы на скамейках
Вокруг широкого стола
И обсуждали помаленьку
Свои совхозные дела.
Качали головами: «Плохо
Покошено у нас.
Дожди.
А ведь от господ-то бога
Зимою помощи не жди...
Нам молодого бы народа,
Но кто поедет,
 коли туг
Всегда с затяжкой на два года
Картины новые идут.
Вот говорим: народу нам бы
Да с молодым бы огоньком,
А керосиновые лампы
Еще висят под потолком».
И в эту самую минуту,
За перерыв набравшись сил,
В углу хрипящий репродуктор
Неторопливо забасил
О том, что проводила в космос
Посланца нового Москва,
И Левитан приподнял голос,
Роняя вечные слова.
И бабы смолкли перед ними.
Неловко вроде стало им
Трястись с обидами своими
Перед величием таким.
Но старый дед, сопящий с ночи
На облюбованной печи,
Их в политической и прочей
Незрелости не уличил.

Худо сплю и замечаю,
Как во сне труба сопит
Да ненастными ночами
Мебель старая кряхтит.
Худо сплю и часто слышу,
Как вдали шумит река,
И, шурша, за нашу крышу
Задевают облака.
Тени бродят перелеском,
А за тучкой чуть видна,
Как за ветхой занавеской,
Ворожит в ночи луна.
Худо сплю, горю от жажды,
Словно к старости боюсь,
Что, легко заснув однажды,
Больше вовсе не проснусь.
И земля,
Припомнив бремя
Прежних бурь и прежних битв,
В это тягостное время
Только кажется, что спит.

И ветер, и дождь, и ненастье,
И стужа внезапно,
И тьма...
На смену великих династий
Похоже все это весьма.
И полная звездная чаша
Без малых оставлена крох.
Доверчивость летняя наша
Застигнута снова врасплох.
Пусть кто-то, очнувшись, поносит
Коварство такое и пруть.
А осень у лета не спросит,
Какие порядки вводить.

Мокрый клен освещала луна,
И при ветре казалось: неслышны,
Трепыхались напротив окна
Вместо листьев
Летучие мыши.

Но рассвет начинает играть
И поглядывать так любопытно...
А на ветках кленовых опять
Лишь оранжевых бабочек видно.

С утра петляя меж стволов,
Хожу-брожу по лесу —
Не ради ягод и грибов,
А ради интересу.
Взгляну на запад, на восток —
Знакомая картина:
Вот это — так себе, дубок,
А это вот — дубина.
Домыслю с помощью небес,
Что зримое явление —
Не сам собой возросший лес,
А лесонасаждение.
Тут желудей — без похвальбы —
Возов пятнадцать добрых.
Не устают всю жизнь дубы
Плодить себе подобных.
Сюда растроганно войдешь,
Как через вход парадный,
И, обалдев, не разберешь,
Как выбраться обратно.
Но, слава богу,
 в дождь и град
Со всех концов России
Навстречу светят и шумят
Березы да осины.

Душа моя — осенний лес,
Пронизанный лучами грусти,
Осенний лес,
Звучащий весь
Как ненастроенные гусли.
Ослабив тонкую струну,
Тоскуют зяблики о лете,
Да беззащитную сосну
С утра
Раскачивает ветер.
И, стоя в луже босиком,
С привычкой справиться бессильна,
Здесь перед каждым ветерком
Пораболепствует осина.
От суеты,
От тесноты,
От нераденья и гуденья
Я уходил, топча листы,
В свои дремучие владенья,
Чтоб услышать колокола
Прощальных птиц на всю округу,
Где облака сползают к югу,
Как будто скатерть со стола.
Я по чащобинам блуждал,
Чумел,
О сучья обдирался,
Из лужи пил,
В болоте спал
И горькой ягодой питался.
Обратно ласковым и злым,
Готовым к нежности и драке, —
Я приходил из лесу всяким,
Не возвращался лишь —
Пустым.

В природе проснулась мятежная страсть.
Низвергнутым, солнце томится в подвале,
В предчувствии грома

И низкими тучами
трава напряглась

Не слышно под окнами птичьих рулад,
Лишь по небу дальний проносится топот,
Да, вылупив стекла,

Вот-вот, дребезжа,
фрамуги глядят:
надорвутся и лопнут.

А бледные травы не могут понять,
Что это — тревожно, космато и хмуро —
Над миром земным

Державное небо
утвердило опять
свою диктатуру.

Но тучи прольются,
Но тучи уйдут,
Вдали тяжело проседая над лесом, —
И травы опять с запозданием поймут,
Что громы и молнии
В их интересах.

А после дозреют в прогретой тиши,
Когда заблестят небеса над рекою,
Что в сущности нет ничего для души
Нужней тишины
И желанней покоя.

О чем печалится природа,
Когда бушует непогода?
О чем горюнится ольха,
Дрожа в своем пальтишке мокрою,
Как нелюбимая сноха
Перед куражущимся свекром?
Зачем в реке вода гудит
И облака идут толчками,
И в омут ивушка глядит
Расширившимися зрачками?
О чем вороны в январе
Горланят горлом пересошим,
А вьюга воет на дворе,
Как бабы воют по усопшем?
Деревья — свой, особый класс,
Но в час глухой и непогожий
Они напоминают нас:
Все в горе, видимо, похожи.

Присмирел и притих мой край,
Только кваканье от болотца,
Задушевный, хоть ты сыграй,
Может, кто-то и отзовется.

Ведь слышать от речных излуч
Каждый вздох молодого лета.
Но гармошка повяла вдруг,
И растаял последний звук,
И остался он без ответа.

А за крайней избой села
Неспроста развели руками
Елки,
 словно колокола,
В землю вросшие языками...

Пора, пора скупее дни расходовать.
Необратим их торопливый ход:
И не успеешь толком заприходовать,
Как вписывай уже в статью —

расход.

А мы толчемся все вокруг да около.
Но время не прощает суеты:
Иные и поглядывают —

соколы,

Да очи-то не прежней остроты.
На головы друзей смотрю, и жалко мне,
Что многие из них —

от бурь и гроз —

Просвечивают ранними лужайками
Сквозь жиденькие

веточки волос.

Пора мне быть трезвей, уравновешенней,
Пора поменьше верить в чудеса.
Который год пошел тому, как лешие
Покинули окрестные леса.

А я дурачусь:

Старость далеко моя.

И словно знаю только я один,

В какую осень

яблонька знакомая

Мне яблочк молодильных народит.

И не хочу понять, себя баюкая,

Что небо стало ниже и бледней,

Что вот уж и не слышится ауканья

В зеленой роще юности моей...

Третий выстрел принес мне удачу —
Понял я, лишь рассеялся дым.
Доказал, что и я что-то значу
И себе
И партнерам своим.
Мне бы в пору шуметь и гордиться,
И ружье воздымать к синеве,
Но мешает бессильная птица,
Что трепещет и бьется в траве.
И, победно приблизившись к жертве,
Признаюсь себе, словно бы вскользь,
Что победа
Дыханием смерти
В полминуты пропахла насквозь.
И друзей я в восторге не кличу,
Как метлу, я двустволку держу,
И поднять не умею добычу,
И глаза от нее отвожу.

...И теперь,
Когда многое вызнал
Да и сам кое-что перенес,
Не горжусь, вспоминая про выстрел,
Тот,
Который удачу принес.

Раздетый лес шумит неподалеку,
Притихшую реку едва слышать.
По-бабьи подперев печально щеку,
Что, родина, задумалась опять?
Что смотришь на болезненную озимь,
На ветви обескровленных раки?
Да, это осень,
Понимаешь, осень.
Которая отрады не сулит.
От сырости простудной травы сникли,
И небосвод бессолнечен и гол,
А у тебя полблюдечка брусники
Да полный золотой листвы подол.
А может, даже лучше в самом деле
Жить на корму подножном в шалаше,
Чтоб мелочи умом не завладели
И не мешали думать о душе?
Но только, восходя звездой вечерней,
В притихшие края
Уже давно
Ни сладости,
Ни сна,
Ни облегченья
Раздумья не приносят все равно.
И, обреченно ждущая морозов,
Среди деревьев мрачных чуть дыша,
В далеских
Неприкаянных березах
Прощальным светом
Светится душа.

Я булыжную осень оставил
Ради той, что всходя на крыльцо,
После страдной горячки
Устало
Рукавом утирает лицо.
Той, что с вечной заботой во взоре
И подошвы скоблит о порог,
И привычно

сдирает в притворе
Не просохший за лето сапог,
Да позднехонько лампу задует,
Заглянув напоследок в закут, —
И осенние тучи раздумий
К изголовью ее поплывут:
То ли крышей протекшей заняться,
То ли пол перебрать как-нибудь,
То ли нынче с коровкой расстаться,
То ли зиму еще потянуть.
А за окнами

желтую репу
Дождь полощет в корытах борозд,
И метут по холодному небу
Голики облетевших берез.
И никто с разговором

до света
Не пройдет под окошком резным:
Земляки, отгостившие лето,
Разлетелись к заводам своим.
И куда-то пропал неизвестно
Тот, с бородкой, в очках золотых,
Что выведывал здешние песни,
Чтобы тешить потом

городских.
Кто налево ушел,

Кто направо,
Словно здесь не земля никому.
Да и ладно,
Хоть сердца не травят,
Коль помочь
Не умеют ему.

На родине мой
пустынно и светло.
Давно ль цветы
от зноя жмурились капризно,
А нынче им
по горло снегу намело.
Ну, что же,
узнаю характер твой, Отчизна.
Пройдет еще неделя,
может быть, и две.
Сорвавшихся ветров
спадет волна крутая,
И вспомнишь ты
о рано сгубленной листве
И затоскуешь так,
что даже снег подтает.
Но к полдням золотым
отрезаны пути,
И поздно горевать
о ласточке последней.
Ты лучше добрый случай
вновь не упусти
И с зеленью грядущей
будь помилосердней.
А нынче продолжай,
коль круто начала,
Чтоб дольше поминалось то,
что нам не внове.
Никто не бил баклуш,
никто не ждал тепла:
Все лыжи на мази
и шубы наготове.
Обычный ритм
рабочей бодрости в душе,

Двойной запас тепла
и мудрости в народе.
Приезжие домой
уехали уже,
А здешние давно
привыкли к непогоде.

Солнышко выгуливает мало,
В половину прежнего тепла.
Понимаю:
Лето миновало.
Соглашаюсь:
Осень подошла.
Стали птицы певчие неслышны,
Стали тучи хмурые низки.
Даже для редакторов излишни
Объясненья нынешней тоски.
Не могу смотреть, спокойно мысля,
На деревья
В тусклом свете дня,
Будто не они роняют листья,
А одежды ветер
Рвет с меня.
Не избыть тревоги и смятенья,
Что с природой северною в лад,
И в любви
Кончается цветенье,
Подступает ранний листопад.
Только ветви шепчутся над ухом,
Что — пускай ломает и сквозит —
Все равно не надо падать духом:
Гибелью отчаянье грозит.
Как, уже предчувствуя морозы,
Отходя к безрадостному сну,
Жили бы осенние березы,
Если бы не верили
В весну?

Все. Теперь зима вдоволь повоет.
Власть свою утвердила она
Павшей в борозду головою
Косо срубленного кочана.
Север так упасть старался
От закованных рек и дорог:
Чистым золотом откупался,
Да никак откупиться не мог.

Когда, от стужи обессилев,
До сорока упала ртуть,
Решил мороз на всю Россию
Кузнечной хваткою
Блеснуть.
И гребень лемехом багровым
Заполыхал у петуха,
И запыхтели все коровы
В свои кузнечные меха.
И снегири
С березы дальней
Взвились, как искры из трубы,
И загудели наковальной
Высоковольтные столбы.
Седой мороз — кузнец бедовый,
Шутя,
Как будто между дел,
Какие звонкие подковы
Кобылам выковать сумел!
Ему и дышится просторно,
И дело спорится в руках.
А отсвет утреннего горна
Горит на девичьих щеках.

Весь день летит какой-то мелкий снег,
А день и без того уныл и краток.
Сосновый бор шумит, как человек,
Которому не нравится порядок.

Не нравится, что пни везде торчат,
Что каждый ствол еще морозом скован,
Не нравится, что зяблики молчат
И что не слышно голоса людского.

Не нравится, что злобствуют ветра...
И не случайно мне через мгновенье
В сосновый бор забредшему с утра
Передается это настроенье...

Поднавалило снегу за ночь,
Куда ни сунешься — завал.
А дворник наш Степан Иванович
Как будто этого и ждал:
Блаженно руки потирая
И улыбаясь воронью,
Он добывает из сарая
Лопату верную свою.
Добро работушка спорится,
И старый весел оттого,
Что потревоженные птицы
Кричат сердито на него.
Смеется дворник бородатый
И, добрых радуя людей,
Навстречу солнышку
С лопаты
Пускает белых голубей.

Не найду я защитного средства,
Чтоб, избавив от лишних тревог,
Словно поезд, мелькнувшее детство
Не вбивало мне в спину гудок.
Чтоб под звездами, невозвратно
Яркий свет пронося на весу,
Оседающим угольным дымом
По ночам не щипало в носу.
Не скрываю поэтому зависть
К воркотне голубиных годов,
Поджидая,
Люблю и пугаюсь
В детство мчащихся поездов.
Вновь по памяти солнечным рельсам
Унесут они в мир золотой,
Чтобы я, просияв, отогрелся
У костров восхищенности той.
По горушкам веселья полазал,
Овеваем цветочной пылью,
Набродился по ельникам сказок,
В речке ясности вымыл лицо,
Чтобы после
Средь блеска и шума,
Средь довольства, торжеств и похвал
По наивности
Я не подумал,
Будто лучше
Вовек не жила.

Погляжу в окно,
А в окне темно,
Ничего в окне не видать.
Дохлабаю суп,
Подхвачу тулуп,
Заберусь на печь — благодать.

Подремлю чуток,
Отогрею бок,
Повернусь потом на другой.
Не гудит в трубе,
Не сквозит в избе,
И не лают псы за рекой.

Но проступит вдруг
Отдаленный звук
Одинокого бубенца,
У ночных ворот
Точно конь всхрапнет —
Скрипнут саночки у крыльца.

И войдет она,
Как струна, стройна
И живая вся, как огонь:
«Принимай гостей,
Вместо сладостей
Доставай вина и гармонию».

Закружится хмель,
Как в полях метель,
Ахнут острые каблуки.
И под этот пляс
На обоях враз
Зацветут, шумя, васильки.

Но в последний миг
Вдруг раздастся крик,
Неотесанный крик такой...
Загудит в трубе,
Засквозит в избе,
И залают псы за рекой.

Мужички войдут
И с собой внесут
Запах курева и кобыл.
«Ты чего лежишь,
Потолок коптишь,
Как друзей встречать, позабыл?»

Я сползу с печи,
Отыщу ключи
И полезу, ворча, в закут.
«Чтоб вас черт побрал,
Чтоб вас пес подрал —
И во сне вздохнуть не дадут».

Природа пробуждается от сна,
Не сразу обретает ясность взора.
Еще и ночь как будто не тесна,
И хочется рассветного простора.
Пока неясны шорохи в лесу,
И звон росы проходит мимо слуха.
Но от травинок щекотно в носу,
И шмель тепло гудит над самым ухом.
И сразу встать как будто нету сил,
И сладко так,

и каждый мускул тянет.

Но как бы ветер пылью ни крутил,
Ее глаза ничто не затуманит,
Когда в озерах блещут караси,
И журавли протопали к болоту,
И муравьи,

муравкой закусив,

Артелью дружной вышли на работу.
От певчих птиц прогнулась тишина,
Едва пробился первый лучик солнца.
Природа пробуждается от сна.
И то ли будет,
Как совсем проснется.

Зови меня к себе, зови,
Высокий колокол тревоги.
Для боли,
Как и для любви,
Однажды пробивают сроки.
Не утопить ее в вине.
И не поется и не спится.
Лишь звезды поздние в окне
Дрожат, как слезы на ресницах.
Все очевидней, все грустней
И непростительней с годами
Непродолжительность страстей,
Необязательность свиданий.
А сколько раз и мне,

хитро

В глаза пуская клубы пыли,
За совершенное добро
Неблагодарностью платили.
А я в порыве мстить клянусь
И различаю сквозь усталость:
Остались в сердце боль и грусть,
А злобы

Снова не осталось.
И поднимается в крови,
Как озимь, молодо и густо,
Всепобеждающей любви
Всепоглощающее чувство.
Но, может, так устроен быт.
Навек. И все другое лживо.
А если сердце и болит,
То просто потому, что —
Живо.

И только боль всегда, за всех
Дает возможность оправданья
И ожидаемых утех,
И самого существованья.

Говорят, я родился с рассветом
И с неделю, наверное, рос
Под коклюшечки звонкие веток
Кружевниц вологодских — берез.
С той поры и в дожди, и в морозы
В обжитом неизменном краю
Мне сопутствуют в жизни березы,
Освещая дорогу мою.
Оглянусь — словно солнечный зайчик
Наведу на сквозящий лесок:
Пьет весенний застенчивый мальчик
Из надреза

березовый сок.

А потом у широкой излуки,
Набродившись по запаням днем,
Согревает иззябшие руки
Над березовым ясным огнем.
Мне судьба не сластила,
Но все же,
Как признанье, прислала в свой срок
На девичье сердечко похожий,
Золотой, словно юность, листок.
Ах, как слов мои губы боялись!
И нашлись посмелее, нашлись...
Мы под той же березой расстались,
Под которой однажды сошлись.
Тихо солнце сползло с поднебесья.
Но к утру
В утешенье души
Те же ветви
Прозрачную песню
Нашептали мне в зябкой тиши.
Пусть дорога бежит через грозы,
Но выводит к желанным огням.

Пусть шумят, разбегаясь, березы
По обеим ее сторонам.

А в конце

на прощальном закате,

Погрустив о дорогах земных,

Брошусь к русским березам в объятия

И под утро растаю среди них...

Потому ли, что снова в деревне,
Где мы выжили с бабкой в войну.
Но под сумрачный шепот деревьев
Я сегодня никак не усну.

Мне припомнятся давние были,
Как мы в избах нетопленных жили,
Как кормились в июле морошкой,
А зимою, неся общий крест,
Ели с мохом болотным лепешки
Что теперь и скотина не ест.

Я проснусь в нашем стареньком доме
На рассвете погожего дня,
Где хозяин, всего лишь знакомый,
Как родной, принимает меня.

За столом с наслажденьем великим
В том углу, где не стало икон,
Буду есть пироги с голубикой,
Запивая парным молоком.

И задумаюсь, чем этот блеклый
Так мне мил косогор и земля,
С любопытством глядящие в окна
Добродушные морды телят.

Это небо, где ласточки реют,
Это полюшко с редким овсом...
Мы обычно с годами добреем,
Снисходительно смотрим на все.

Или — вспомнив свое пепелище,
Побывав у родного крыльца
Вдруг становятся легче и чище —
Благодарнее наши сердца.

Какая-то прозрачная печаль,
Печаль недолговечности живого.
Она коснется, словно невзначай,
Себя не обозначив даже словом.
И я пойду на тайный зов ручья,
Чтоб убедиться в явности рассвета,
В существованье дождика и ветра,
А через них —

и собственного я.

Вновь помолчу,
забыв про бег минут,
Над листьями, оборванными ветром,
И постою у вымахавших кедров,
Которые меня переживут.
И я пойму, быть может, до конца,
Себя окинув с грустью неизменной,
Ничтожность смерти

одного лица

Перед лицом бессмертия Вселенной,
Где век пройдет — но вспыхнут зелена,
Мир с наслажденьем повторит основы
С одним лишь упущеньем пустяковым,
Что он забудет повторить
Меня.

Раскатист в апрельском морозе,
От крови взыгравшей горяч,
На самой высокой березе
Заходится в страсти косач.
От нежности к голенькой кочке,
От веры горластой в судьбу
Почти распускаются почки
В набитом до звона зобу.
Звучит на заре поднебесье,
Но доля певцов тяжела:
На каждую новую песню
По три браконьерских ствола.
Косач горячится, не зная,
Что в тихое утро весны
У первого в жизни признанья
Минуты уже сочтены.
Не в силах сдержать вдохновенья,
Законам земным вопреки,
Он верит:
На песнь откровенья
Никто не поднимет руки.
Неопытных лет пережитки...
Душа, восхищайся и плачь:
Твои повторяет ошибки
Башку потерявший косач.

Тяжелый хлеб едят поэты
Столетия целые подряд.
Пока грядущие рассветы
Им облегченья не сулят.

Ломя под тем же знойным небом,
Не берегут поэты сил.
Но смотришь:
Люди снова с хлебом,
А их посева
Град побил.

Крутого хлебушко помола
Певцам назначила судьба.
Но пусть они едят тяжелый —
Их портят
Легкие хлеба.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

1

За окнами мечется вьюга,
Сквозит предрассветная мгла.
Душа одинокого друга
Такой же бездомной была.
И мне потому — не иначе —
Все кажется, если темно,
Что кто-то под топодем плачет
И кто-то скребется в окно.
Не раз ведь походкою зыбкой
То весел, то слаб и уныл
Он с тихой и тайной улыбкой
Из вьюги ко мне приходил.
В тепле отогревшись немножко,
Почти не ругая житье,
Метельные песни ее
Играл на разбитой гармошке.
Гудела и выла округа,
Но он вылезал из угла.
И снова холодная вьюга
Его за порогом ждала.
И слышало долго предместье,
Привычно готовясь ко сну,
Как их одинокие песни,
Сближаясь,
Сливались в одну...

2

Милый друг мой,
Прощаясь навеки,
В нашей горькой и смертной судьбе

Всею силой, что есть в человеке,
Я желаю покоя тебе.
Оставаясь покамест на свете,
Я желаю у этих могил
Чистых снов, тишины и бессмертья,
И любви.
Ты ее заслужил.

СКУЛЬПТОР

Уже, наверно, полстолетья,
Полувелик и полудик,
Смертельный бой ведет со смертью
Неуступающий старик.
Он помнит, как тяжелым клином
Она вошла в его житье,
Всеподавляющая глина
Во всем бесстрастии ее.
Но, робость собственную руша,
Он, не щадя последних сил,
На божий свет
Живые души
Из мертвой зоны выносил.
И, жмурясь добро и устало,
Садился, трубочкой сипя.
Но глина
 снова наступала,
Все подминая под себя.
А за окошком полночь стыла,
И чей-то голос звал в тиши:
«Будь милосердным, мастер,
Милый,
Вынь глину из моей души».
Смолкала трубка вырезная,
Так не успев и подымить,
Старик вставал,
Еще не зная,
Кому победный кубок пить.
...Теперь-то глина с ним бывает
Послушной рыжего телка,
Теперь она присмиривает
От одного его шлепка.
И взмах руки на редкость точен,

И наконец открылась суть.
И, может быть, не хватит ночи,
Чтоб через смерть
Перешагнуть.

Не зря сравнила ты
Продуманно и тонко
Рождение звезды
С рождением ребенка:
Едва она вдали
Блеснет над побережьем —
Опять у всей земли
Прибавится надежды.
Высок небесный свет,
Взошедший над болотом,
И тут —

сомнения нет —

Божественное что-то,
И трижды вправе ты
Сравнить светло и звонко
Рождение ребенка
С рождением звезды.

О вера наших матерей,
Вовек не знающая меры,
Святая трепетная вера
В нас,
Подрастающих детей.
Ее, как свет в березняке,
Не вытравит ничто на свете:
Ни единицы в дневнике,
Ни злые жалобы соседей.
Уж матери такой народ —
Вздохнут,
Нас долгим взглядом смеря:
«Пусть перебесятся. Пройдет» —
И снова верят, верят, верят.
Так верят матери одни
Взыскательно и терпеливо.
И — не крикливые — они
Не почитают это дивом.
А просто нипочем года
Их вере, трепетной и нежной;
Вот только мы-то
Не всегда
Оправдываем
Их надежды.

Мои долги подсчитывал собрат.
И думал я уже не без причины:
Не зря его устраивали в сад
И в школе арифметике учили.

Как нравилось ему слова крутить,
Вообразив себя судьей со стажем,
И с паузами
Мерно говорить
И превосходство чувствовать
Над старшим.

Нет, он не из пустых воображал,
Он чужд высокомерию и барству.
Но я катастрофично задолжал
И матери,
И даже государству.

И в голосе его звучал металл,
Слова едва влезали в рот: большие.
Но сладко обнажать долги чужие,
Пока своих еще
Не осознал.

Ребята из средней России,
Впервые встающие в строй,
Надолго родные осины
Оставили вы за спиной.
Гражданская юность отстала,
Пропала в дорожной пыли.
В железное русло уставов
Вы входите, как корабли.
И надобно сделать немало,
Чтоб ветрами,
 бьющими вкось,
Вас в бурю на борт не бросало
И мачты рубить не пришлось...

СОЛДАТСКАЯ ШУТКА

Нам с тобой совсем немножко
Дослужить до дому:
Только тыщу раз в сапожки
Впрыгнуть по подъему.
По земле своей хорошей
У себя в Союзе
С пол-экватора — не больше —
Проползти на пузе.
До гулянок и тальянок
Дослужить нам малость:
Лишь пятнадцать пар портянок
Истолочь осталось.
Тридцать три хрустящих трешки
Отovarить надо
Да вагона три картошки
Оскоблить в нарядах.
Ну, и средь иных и прочих
Редких удовольствий
Стрескать жареной тресочки
Метров девяносто.
А в конце всего за чаем,
Разгоняя скуку,
Обсудить:
А не начать ли
По второму кругу?

Не чья-то властная немилость —
От ровной жизни и тепла
Жестокая необходимость
Ребят в казармы привести.
Надев казенные рубахи,
Как это требует закон,
Они исправно чистят бляхи
И бьют подковами бетон.
Не позволяя сердцу киснуть,
С упрямством истых северян
Неунывающие письма
Ребята пишут матерям.
Прилежно бодрствуют на вахте:
Мол, что нам стоит — молодым.
Но вдруг ржаной ломоть запахнет
Росой и полюшком родным.
Где, опоясавшись кустами,
Избенка смотрит на овсы
И звоном рюмочек хрустальных
Звенят старинные часы.
И мать, уняв свою кручину,
Невыплаканную в ночи,
Все щеплет звонкую лучину
У нерастопленной печи.
Воспоминания солдата
Чинят нередко самосуд:
Они под сердце бьют как надо,
И нервы рвут,
И спины гнут.
А парни лишь считают годы
И слышат:
 боли не тая,
По ним ревут гудки заводов
И сохнут травы
И поля.

Казарма пахнет не духами,
Не ландышем после грозы.
Казарма пахнет сапогами
Из густо смазанной кирзы.
Казарма пахнет жестью банок
С ружейным маслом пополам
И прелью саржевых портянок,
Царящей ночью по углам,
Не первым потом гимнастерки,
Подзолом тропки полевой,
И зноем стрельбища,
И горьким,
Горелым порохом его.
Эпохой призванные дети,
Мы дышим этим — без нитья —
Державным запахом столетья
И кислородом бытия.
Им,
 как огнем пещерный предок,
Мы дорожим не оттого,
Что нам
Черемуховых веток
Любее
 аромат его.
Но только с ним и нерушимы
Волнующие нам сердца
И свежесть матовых кувшинок,
И острый запах чебреца.

УЧЕНЬЯ

Полк на рассвете поднят по тревоге,
Казарма оглушительно гремит,
И автоматы
В заданные сроки
Разобраны из длинных пирамид.
Вытаскивают ящики наружу,
Мотая вещмешками на горбе,
Товарищи по грозному оружию
И братья по неласковой судьбе.
Они несутся с хлюпаньем по грязи,
В сухой гортани сдерживая хрип,
И ходят на щеках противогазы,
Как жабры задыхающихся рыб.
Весь гарнизон поставлен на колеса,
И, словно в деле с нами заодно,
Деревья маскируются под осень,
А небо — под шинельное сукно.
А вездеходы мелют на опушке
Тенистую лесную тишину.

И дети
Забывают про игрушки,
Когда играют взрослые
В войну.

Матери рожают не солдат,
Матери рожают хлеборобов,
Докторов,
 врачующих хворобы,
Скрипачей,
 что так светло грустят.
Путь ребят осмыслен и велик.
Но однажды
От смычков и книг
Забирают их военкоматы,
Вот и получают — солдаты.
Привыкают мальчишки к стрельбе,
Роют землю,
Мерзнут у орудий,
Зная, что солдаты —
 это люди,
Не принадлежащие себе.
Но шинель не навек тяжела,
Парни к пирогам и чайным блюдам—
Нет войны —
 когда-нибудь вернутся,
Только бы судьба не подвела.
Матери ж,
 надеясь, что сынки
Вырвутся под праздник ненадолго,
Чинят их рубашки и футболки
И опять утюжат пиджаки.
Спят.
И снова ждут своих ребят.
Страшно не дожидаться им однажды.
Потому,
 любви и мира жажда,
Матери
Рожают
Не солдат.

Мир стал объясним и обычен:
И воды колючи в ручьях,
И красные перышки лычек
Горят на сержантских плечах.
И сам я,

за долгое лето

Протопавший столько дорог,
Давно позабыв про штилеты,
Не чувствую веса сапог.
Повянув от пыли и зноя,
На четверть стесав каблуки,
В суровой гармонии строя
Звучат и мои сапоги.
Угрюмым терпеньем заряжен,
Давно не ропщу на удел.
Уже, не соврав, и не скажешь,
Что мало я каши поел...

С ВОЗВРАЩЕНИЕМ

К другому милая пошла,
Не потому, что полюбила,
Но потому, что трудно было,
А там изрядная мошна.
А обо мне какая речь,
Я должен был, вступая в зрелость,
России присягнуть на верность,
Дабы ее добро стеречь.
И милая пошла к тому,
Кто ей не свет и не вершина,
И так меня опустошила,
Как не случалось никому.
Чтоб пережить свою беду,
Поверить вновь святыням древним,
Я за потерянным доверьем
В деревни дальние уйду,
Где бабы русские живут
Весь век в надежде и печали,
Что две войны
Любимых ждали
И до сих пор
Чего-то ждут...

Все однажды миновало,
И теперь ищи-свищи
Те тревоги и привалы,
И солдатские борщи.
Только память гулким топом
До последних кружит дней
По крутым и горьким тропам
Терпкой юности моей.
Что еще с былым за счеты,
Что за тяга в дальний край?
Новый день дает работы —
Управляться поспевай.
Мало ль нас во что вгоняло.
Буквой. Точкой. Запятой.
Мало ль там чего бывало...
Все бывало в жизни той,
Где с судьбой напрасно спорить.
Только эта жизнь прошла.
Как же молодость не вспомнить
Словом дружбы и тепла?
Вот и я сижу, глотаю
Мирной жизни естество,
Раны старые считаю
После боя своего.
А вдали от нашей стройки
Под полярный снегопад
На моей скрипучей койке
Спит молоденький солдат...

Отбиваясь от грусти упорно,
Не пойму,
За какие грехи
Подступают непрошено к горлу
О любви непришедшей стихи.
О любви, поднимающей сердце,
На которую в тысячный раз
Можно так хорошо насмотреться
За билет на вечерний сеанс.
Я б с тачанкой летел на рассвете,
Чтобы тоже
В свинцовой пальбе
Перед ликами жизни и смерти
Нежный взор ощутить на себе.
Но минуют за сроками сроки,
А любви моей
С давнего дня
Все встречаются в долгой дороге,
Очевидно, достойней меня.
И боюсь я, как высшего мщенья,
Что придет она — вот она, тут, —
Как бумага о царском прощенье,
Опоздавшая на пять минут.

Все истосковалось,
Все изныло,
Все перемешалось — даль и высь.
Где же,
Где же ты, мое светило,
Что же ты скрываешься?
Явись!

Неужели вечному бездомцу,
Павшему и вставшему опять,
Знавшему одно стремленье—к солнцу! —
Так в холодной мгле
И доживать?..

Чтоб дышалось мне светлей и проще,
Чтоб любилось на веку моем,
Ей хотелось быть
Зеленой рощей.
Быть.
И непременно с соловьем.
И, касаясь девичьего тела,
Слышал я нередко поутру,
Как оно, позванивая, пело,
Жглось
И ликовало на ветру.
Но неумолимо дни несутся.
И кого отметить за труды,
Что без песен даже остаются
Самые прекрасные сады.
Я теперь живу трезвей и жестче.
С милой мы по-прежнему друзья.
А она и впрямь все та же роща,
Та же роща.
Но — без соловья.

Была дарована и нам
Не просто жизнь, а божья милость.
Звенел закат по вечерам,
А по утрам роса дымилась.

Цвели сигнальные огни,
Фиалки пахли у обочин,
И были праздничными дни,
И были солнечными ночи.

Какое бремя тяжело?
Чего еще бы, вроде, надо,
Когда согласно и светло
Сердца постукивают рядом;

Синеет небо,
Зреет рожь,
В цветах медовых дремлет залежь...
Но цену счастья не поймешь,
Пока его не потеряешь.

Тихо расстаемся у вокзала,
Напряженные до немоты.
Не пугает то, что ты сказала.
Страшно то, что затаила ты.

У тебя, как у реки вечерней,
Тоже непонятности свои:
Подогрето верхнее течение,
Холодны глубинные слои.

Я молчу в тяжелом ожиданьи,
От предчувствий горьких трепеща.
Ты сказала тихо: «До свиданья».
А уже слышалось: «Прощай».

Четыре недели на юге
Грущу
 среди веселых гостей.
А север
 от дальней подруги
Не шлет, как нарочно, вестей.
Но, может быть, все-таки это
Жара не дала им дойти,
И синие льдинки конвертов
Растаяли где-то в пути?

Приходит позднее прозренья:
Я зря пытаю грешный свет —
Ты лишь одна мне озаренье,
Замены не было и нет.
Само отчаянье сквозило
В попытках гибельных моих:
Твоих высот достичь не в силах,
Упасть до уровня других.
То было горькое желанье,
О боли в голос не крича,
Об ослепившем океане
Забуть на берегу ручья.
Но жить позорно стало — средним.
И не хватало потому
Прозренья,
 равного презренью
К несовершенству своему.
А, озаренное любовью,
Превозмогающее быт,
Бессилье отступать без боя
Уже о силе говорит.
Я ощущаю постепенно,
Как — поначалу невысок —
Растет ступенька за ступенькой
И мой воздушный потолок.
Одолевая все напасти,
Его к задуманной черте
Я отодвину силой страсти
И жадной тяги к высоте.
Она войдет в меня — сквозная, —
Как теплый дождик входит в рожь.
А высота меня признает,
Тогда и ты не оттолкнешь.

Мне так тебя встречать не хочется,
Что, вскинув ядра кулаков,
Себя в остроге одиночества
Упрятал я за семь замков.
И чтобы не взбрело мне в голову
Искать твой отчужденный взор,
От выходов
 ключи тяжелые
Я нынче выкинул во двор.
Но стоит
 сквозь окно
 на улице
Вдали узнать мне твой наряд —
Все зареканья позабудутся,
И двери
 с петель
 полетят.

Твои глаза — как тихий переулок,
Где домики наивны и чисты,
А над крылечком
 вдалеке от гула
Планируют кленовые листы.
А стекла в рамах вымыты до блеска
И, как озера, смотрят на закат,
И утром
 из-под каждой занавески
Гостеприимно фикусы глядят.
И каждую калиткою сутулой,
И каждой веткой ясеня над ней
Зовет меня
 твой тихий переулок.
Но я невольник
Шумных площадей...

В дому твоём необогретом
Тоска царит и полумрак.
Еще и лампочка при этом
Не зажигается никак.

А было:

Бликами играя,
Она мигала как живая,
Стараясь до недавних пор
То осветить

с едой простою

Великошумное застолье,
То холостяцкий разговор.
Но вот в какое-то мгновенье
Такой в дому случился вид,
Как будто все в недоуменьи
Остановилось

И стоит.

И смотрит, смотрит

до ознобу,

Почти испытывая резь,
На молчаливую особу,
Вдруг появившуюся здесь.
На этот бледно-серый волос
И на бескровность губ сухих..
Все потеряло сразу голос,
На кухне даже кран притих.
И сам ты видел не однажды,
Своей супругой позабыт,
Как за ее движеньем каждым
С простенка зеркало следит.
Зачем же ты внулшал невесте,
Смотревшей холодно во тьму,
Мол, согреваться нужно
вместе,
Где не согреться одному...

Сколько прошло — я не помню:
Годы неслышно летят.
Был удивительный полдень,
Ясный,
Как девичий взгляд.
Где-то над шустрой речушкой
Рядом,
Один на один,
С полузнакомой девчушкой
Я по траве проходил.
Мне это было занято,
И, не предвидя беду,
Я упоенно и складно
Что-то ей врал на ходу.
А незаметно
За нами
Шла и —
 сама не своя —
В спины стреляла глазами
Тоська, соседка моя.
Под вечер, времечко выждав,
Резко влетев на крыльцо,
«Как я тебя ненавижу», —
Мне прошептала в лицо.
Помню,
Опешив сначала,
После я понял ту злость
И улыбался ночами,
Если мне плохо спалось.
Время то стало далеким.
Дни проплывают в труде,
Как мимо низеньких окон
Спины усталых людей.
Много я видывал вздорных
Часто сбывавшихся снов,

Ах, скорый поезд, скорый поезд,
Возьми меня под сизый дым,
Чтоб я, смеясь и беспокоясь,
Летел по рельсам голубым.
Чтоб снова стали речи вещими
И вдохновенным домино,
Обворожительными женщины
И охмеляющим вино.
Сквозь бесприютные деревья,
Перевалив через рубеж,
Минуя станции неверья,
Домчи до станции надежд.
Пусть радость зорюшкой нежаркой
В знакомом теплится окне,
Иль волоокой вологжанкой
Навстречу выбежит ко мне.
И будут тосты, будут тосты
Под музыкальное стекло,
И ни усмешек, ни притворства,
А только легкость и тепло.
...Но мой билет на это счастье
В Сибири, может, в дождь и зной
Пока не пиленной на части
Гудит высокою сосной.

Заброшу я постылое жилище,
Оставляю я все меды, что вкусил,
Веселым неотчаявшимся нищим
Отправлюсь по светящей Руси.
Я буду улыбаться песням птичьим,
И в каждом доме —

пусть я незнаком —

За добрый нрав
И доброе обличье
Меня накормят бабы молоком.
А только перед вдовьею избушкой
Сочувственно поникну головой —
И вновь запахнут руки свежей стружкой
И жирной свежескошенной травой.
Я снова стану светлым и высоким.
И вдруг почую:

точно из земли

В меня пойдут живительные соки,
Что сквозь асфальт пробиться не могли.
Я напеку грибов,
Спалю валежник
И с доброй думой о грядущем дне,
Счастливый исповедавшийся грешник,
Усну на досыхающей копне.
А утром я почувствую как милость,
Что солнышко взошло на небосвод,
Что все в душе оттерлось и отмылось,
И жизнь теперь
По-новому пойдет.

П О Э М Ы

Поэма

В Павловском парке под Ленинградом есть район двенадцати дорожек, на центральной площадке которого размещены по кругу двенадцать бронзовых античных статуй, отлитых в XVIII веке российскими мастерами по моделям выдающегося скульптора Ф. Г. Гордеева. Во время оккупации немцы хотели вывезти в Германию эти художественные сокровища. О том времени рассказывается много удивительных историй. Одну из них вспоминают особенно часто...

Шумит,
Всю ночь шумит старинный парк,
Качаются скрипучие деревья.
Какие-то легенды и поверья
Тревожат их, когда густеет мрак.
Река Славянка
В тяжком полусне
Замечется, замечется среди ночи,
Потом бессвязно что-то забормочет,
И ей ответит филин в стороне.
А на холме,
Где горбится трава,
Вдруг словно бы земля зашевелится,
И затрепещет мерклая листва,
И закричит испуганная птица,
И унесется с хлопаньем во тьму,
Закружит над развалинами башен,

* * *

Ничто теперь стереть не сможет
В горящей памяти моей
Двенадцать узеньких дорожек —
Двенадцать солнечных лучей,
Что разбегаются в порядке
От круглой праздничной площадки,
Чтобы замкнуться снова вдруг
Уже в большой песчаный круг.
Как колесо зари-зарницы,
Блестит утром этот вид,
Где золотой певучей спицей
Дорожка каждая горит.
И ось всего, конечно, он —
Властитель солнца — Аполлон.
Он свет несет самой природе,
И кажется нам потому,
Что от него лучи исходят
И возвращаются к нему.
И Музы, дрему отряхая,
С призывной нежностью в очах
В его купаются лучах
И по нему тайком вздыхают.
К чему искать тому причины?
За миновавшие века
Безукоризненной мужчины
Не обнаружилось пока.
А Музы глаз не лишены
И — покровителю верны.
В их тесном круге нет раздора,
И не случайно с вешних гор
С цветами к ним спустилась Флора
И загостилась до сих пор.
И — вся как вызов жизни серой —
Достойных здесь найдя подруг,
Прекраснобедрая Венера
Собой замкнула этот круг.
Но, нарушая все каноны,
В какой-то летний день зеленый,
Открывшимся поражена,
К подругам верным Аполлона —
Жива, глазаста и смышленна —
Еще прибавилась одна.

Она вошла сюда несмело,
Как будто в сказку-забытье.
По банту крупному горело
В косичках рыженьких ее.
И с миром древности высокой
Необъяснимую
Глубоко

Она почувствовала связь,
Хотя вошла сюда впервые
В такие годы голубые,
За руку мамину держась.
И здесь

в младенческом восторге

Ее —

прозрачное насквозь, —

Как саночки по снежной горке,
Счастливо детство пронеслось.
Ах, как она благодарила
Судьбу,

которая взяла

И всю отцову службу тыла
Как есть сюда перевела.

...С тех давних пор сошло немало
Снегов, промчался их — поток
И пар пятнадцать истоптала
Она в скитаниях
Сапог.

Но как бы ни был страшен холод,
И крюк велик,
И путь далек —

Всегда отыскивала повод
Заехать к Музам на денек.
И в парк

Прямехонько с вокзала

Она являлась поутру.

Ах, как Славянка ликовала,
Свою приветствуя сестру,
Которую, встречая рано,
Бывало, павловский народ
Кто просто Ньюрою,
Кто Анной,

А кто и Ньюшкой назовет.

Вставало летнее светило,

В душе разбуженная сила
Справляла с солнышком родство.
И долго женщина бродила
Над речкой детства своего.
А перед ней —
Что ни дорожка
И что ни новый поворот —
То Музы бронзовая ножка,
То римский профиль промелькнет.
Казалось бы, такая малость,
Туманный отблеск вечных звезд...
А сердце снова поднималось
До восхищения и слез.
Стократ и ранено и бито —
Горело нежностью с утра
И, забывая все обиды,
Желало миру лишь добра.
Как будто здесь, где свет притушен,
Под сенью сомкнутых ветвей
Легко
Божественные души
Переселяются в людей.
Не сказка новая о чуде —
А через несколько минут
Вконец измученные люди
Самих себя не узнают.
И, захлебнувшись высотой,
Они,
Подняв воскресший взгляд,
Над всей тщетой и суетою
На крыльях солнечных парят.
И жалко, холодно скитальцам,
Познавшим эту благодать,
С небес высоких опускаться
На землю грешную опять.
Хотя, вернувшись к непокою,
Душа не знает, смятена.
Что возвращается другою —
Уже очищенной — она.
Как бы в сияющей оправе
И в новой силе и цвету,
Готова к подвигу и славе,
Долготерпенью и кресту...

И у нее в который раз
Дрожали лучики у глаз.
Потом со светленькою челкой
Ее встречал другой мальчонка.
В нем был стесненным каждый жест,
Лишь иногда он утром ранним
С подобострастным замираньем
Касался бронзовых божеств.
А после тихо шел до дома,
Как будто ждал огня и грома.
А тетка Нюра
Со значеньем
Сюда водила молчунка,
Приняв его на попеченье
От забулдыги-свояка.
Мол, поживет в таком раю,
В неповторимом этом чуде —
Скорей былое позабудет
И душу выправит свою.
И тетки Нюрины подружки
Порой за мальчика брались:
«Ты полюбуйся-ка, Колюшка,
Какой еще бывает жись...»
А Колю звук тревожил каждый...
Он был из тех,

кто с острой жаждой
Воспринимает бытие,
Кто к красоте придя однажды,
Уже не может без нее.
И до конца
За годом год
То краски трет,
То глину мнет.
И тетя Нюра с честным жаром,
Заметив Колин интерес,
Его улыбкой поддержала,
И (хоть деньжат всегда в обрез)
Для достижения светлой цели
В ларьке купила акварели.
Теперь, стараясь на приволье,
Она любила наблюдать,
Как братца бронзового Коля
Себе срисовывал в тетрадь.
Так и жила себе она,

Пска не грянула
Война.

* * *

Чадили августовские закаты
Угарным дымом низких облаков.
Земля ловила дальние раскаты
Ушами деревянных чердаков.
А утром разносились птичьи трели,
Дымился над Славянкой мокрый луг.
Как до войны, в ветвях зорянки пели,
Но слушать птичек
Стало недосуг.

Другие птицы взмыли в поднебесье,
Кружили с воем тягостным во мгле
Уже с другим —

Стальным отливом
Песни,

Валами заходили по земле.

«Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой».

Был сердцем каждый день

За год засчитан.

Рвались фугасы,

Плавился гудрон.

И выглядел особо беззащитным

С колчаном стрел

Бесстрашный Аполлон.

Дрожали Музы под прикрытьем листьев,

Но бог,

Себя умевший не щадить —

Как ни был благороден и воинствен, —

Бессилен был от пушек защитить.

И потому, пока огонь орудий

Не преступил последнюю черту,

Спешили измотавшиеся люди

От варваров упрятать красоту.

Мол, если в этой новой преисподней,

Среди разбоя, крови и смертей

Не позволяет враг ей жить сегодня —

Мы сбережем ее до лучших дней.

Не зря же,

Одолеть упрямство силясь,
Не думая о звоне серебра,
Веками над античным камнем бились,
В бессонницах сгорая,
Мастера.
Чтоб человек, смотря на этот камень —
На вечный вызов тлену и тщете, —
Как раб, не трепетал перед богами,
А сравнивался с ними в чистоте.
Ведь мастера, наверно, понимали,
Что сами,
Отказавшись от завес,
Когда владык Олимпа раздевали,
Их опускали на землю с небес.
А то была особая проверка
В години лицемерия и зла.
Но красота не только не померкла —
Еще земную силу обрела.
Тогда ее подняли над собою
И понесли по свету на щите,
И целые империи
Без боя
Сдавались в плен античной красоте.
И, обжигая душу на морозе,
Исполненные света и добра,
Ее запечатлели в чистой бронзе
Российские большие мастера.
И нынче люди думали тревожно,
На Муз смотря сквозь пыльные листья:
Нам поступиться ими невозможно,
Ведь нам и впредь не жить без красоты.
А если так — мы пожили немало,
Мы опыт предков свято берегли,
И тайника надежней не бывало
Открывшейся отеческой земли.
И Музы,
На людей взглянув прискорбно,
Легли под громы пушечной пальбы,
С холодной молчаливостью, покорно,
Как спящие красавицы —
В гробы.
Их схоронили сзади постаментов
И сели отдохнуть на берегу.

Никто не сомневался ни момента,
Что сроду не додуматься врагу,
Что у него — да чуть не на подносах —
Сокровища лежат под самым носом.
Земельку на могилах разровняли,
Ровнехонько засеяли травой.
И долго беспокоились:

едва ли

Она достигнет в росте остальной.
Но тут уже взялась сама природа:
Добавила к полуночи тепла,
Лучами обласкала утром всходы
И дождичком под вечер полила.
А лишь окрепла травушка немного —
Как холодом дохнуло с высоты,
И, разметая ветром по дорогам,
Листвой запорошило все следы.
И тетя Нюра с радостью глядела,
Как закружилось все и завилось.
Спасенье Муз —
Почти святое дело —
Неужто без нее бы обошлось!

Земля моя, как мне тебя понять —
Влюбленному в снега твои и сосны?
Для всех ты одинаковая мать,
Но почему так дети разношерстны?
Для одного — превыше личных стен
Воздвигнуть храм душе, высок и ладен,
Другой же создан словно бы затем,
Чтоб в храме этом пакостить и гадить.
Дрожит, хотя ничто и не грозит,
Всегда дрожит за собственную шкуру.
И вот какой-то местный паразит
Ткнул-таки ржавым пальцем в тетю Нюру.
И повели ее, и повели
Меж двух тупых стволов морозной стали.
Дорожки холодеющей земли
Под кованцами недругов дрожали.
Ее вели, а ветер дул в лицо,
Листву крутил у стоптанных сапожек.

Померкло золотое колесо
Заброшенных двенадцати дорожек.
Ее прикладом ткнули: «Поживей», —
И повернули к липовой аллее.
Забилось сердце вроде посмелее
Под шепот ободряющих ветвей.
Но вот она споткнулась на ходу,
В глазах со светом тьма перемешалась,
И горло пересохло —

На виду
Аллея трупов медленно качалась.
И конвоиры женщину вели
Под ветками,
Прогнувшимися тяжко.
И было слышно

бульканье во фляжках
И листьев шевеление в пыли.
Не чувствуя почти земную твердь,
Шла женщина,
Продуманно ступала.
И только в плечи голову вбирала,
Чтоб за ноги несчастных не задеть.
Но — слава богу — скоро наконец
Открылся императорский дворец.
Пришельцы смотрят сквозь табачный дым.
Крыльцо не одолеть единым махом...
Куда входила

с трепетом святым —
Заходит,
трепеща уже от страха.
И все страшней,
И все слышней, слышней,
Как двери

закрываются
за ней.
Потом суют ей Колину тетрадь
(Какая дрянь успела передать?),
И переводчик цедит, насторожен:
Немецкий генерал желает знать,
Где статуи двенадцати дорожек.
И тетя Нюра, стоя, как в дыму,
Изображает глупую невинность:
«Чего вас беспокоит, не пойму.
Я грамоте-то мало поучилась».

И начала, смелая, заливать,
Что у нее и двоек было мало,
Да как-то уронила с печки мать —
С тех самых пор и памяти не стало.
И хохотнула дурочкой вконце.
Но нету веры ей ни на толику:
Общенье с божествами
На лице
Оставило серьезную улику.
И вот ее выводят из дворца,
Ведут туда, к божественным подножьям,
И тут у переводчика с лица,
Пропитанного хитростью и ложью,
Сошла полупрезрительная злость,
Из рыжих глаз сиянье полилось.
Мол, генерал немецкий очень-очень
Ее судьбою вдовьей озабочен.
Он знает, что ей вынести пришлось,
Наслышан и об участи супруга,
И так хотел бы, если б удалось,
Помочь по праву истинного друга.
Он знает, что для бедного пятак...
К обиженным всегда имея жалость,
Он может для нее устроить так,
Чтобы она до смерти не нуждалась.
Но дворничиха,
Старое дурье,
Не понимая важности событий,
Заладила, как пьяная, свое:
«Не знаю, про чего вы говорите».
И ставится вопрос тогда ребром,
И переводчик рубит с раздраженьем:
«Помочь не соглашаешься добром,
Тогда узнай последнее решенье:
Не наберешься толку и ума
И статуи не выпустишь к нам в руки —
Одну из них
Заменишь ты сама,
Других —
приемыш твой, твои подруги».
И небо затуманилось вдали,
И замерло напрягшееся тело.
Слова и до сознания не дошли,
А в жилах кровь уже похолодела.

И расколосось солнце на куски,
И раскачались облачные своды,
И вспомнилось до рези и тоски
То время безогляднейшей свободы,
Когда девчонкой бегала сюда
И шла влюбленной девушкой в печали,
И Музы, словно сестры,

никогда

Ее высокомерно не встречали.

Припомнила —

И будущие дни

Представила до дрожи, до ознобья,

Где постаменты голые одни

Темнеют под дубами, как надгробья.

И у всего такой сиротский вид

(Без Муз вовек не может быть иначе),

И Коля на скамеечке сидит

С тетрадкой в руке

и горько плачет.

Он не простит,

Он вспомнит ей не раз,

Как тетка, придержав свою строптивость,

От жребия ниспосланного

враз

Святынями народа

Откупилась.

И ни на чье доверие и впредь

Она уже рассчитывать не вправе,

И с этим жить,

И с этим умереть —

Не выжечь,

Не забыть

И не исправить...

Она взглянула снова на закат.

Не будет на нее никто в обиде.

На немцев подняла усталый взгляд

И головой качнула: «Уводите».

...А утром,

Когда птицы пьют росу,

Снуют меж уцелевших маргариток,

Досталось золотому колесу.

Стать колесом средневековых пыток.

...Давно минули те крутые дни,
И радостно шумит любая ветка.
Никак не могут в парке лишь они
Прийти в себя

Спустя и четверть века.

Роняют вяло желуди в траву,
Как будто избавляются от груза,
И надевают новую листву,
И носят, будто старую обузу.
Их понимает только человек,
И на дитя похожий и на старца.
Страдалец обречен судьбой навек
От них сбегать

И к ним же возвращаться.

Уже за сорок, видимо, ему,
А он в эпоху буйного модерна
Так и остался Колей,

потому

Что родился художником, наверно.

Его друзья порою невпопад,

Ломая и роня папиросы,

О скульпторе Гордееве шумят,

Кричат о Воронихине и Росси.

И пьют за Колин редкостный удел:

Будь он тогда бы дома на рассвете —

На месте бы Меркурия висел,

Да вовремя упрятали соседи.

Спасибо им, он помнит их добро,

Гордится с ними крепнущим союзом.

Он дышит хвоей,

Слышит шум ветров

И по субботам приезжает к Музам.

Они, как прежде, нежатся в тепле

Под ясною небесной синевою.

А тетя Нюра там,

В холодной мгле,

Давно корнями стала

И землю.

Но всякий раз, один бывая здесь,

В какое-то рассветное мгновенье

Художник слышит,

как благую весть,

Задумчивое ангельское пенье.

Он словно слышит, глядя на восход.

И напряженной чувствует спиною
Замедленный таинственный полет
Прекрасных душ,
Загубленных войною,
Что прячутся от глаз других людей
В трепещущей листве,
В тени случайной
И сверху вниз,
Откуда-то с ветвей,
Поглядывают кротко и печально.
И вот, когда, пронизаны зарей,
Не так деревья горестны и хмуры,
Он различает явственно порой
Неукротимый голос тети Нюры.
И вновь пьянит открытье, как вино,
На легком постоявшее морозе,
Что те двенадцать женских душ
Давно
Вселились и живуг в античной бронзе.
Так вот откуда в Музах столько сил,
Земных страстей, свободы и печали,
Вот почему,
Свои в ряду светил,
Они еще и нам
Своими стали!
А воздух золотится, невесом,
Песочек по дорожкам словно льется,
И катится по жизни колесо,
Сверкая всеми спицами на солнце.
Но вспомнить и сегодня не грешно,
Как над Россией солнце заблестало
И всем богиням время подошло
Занять
Свои места
На пьедесталах.

Вблизи двенадцати дорожек,
Где при погоде непогожей
Был справлен тот арийский пир,
В земле со дня захороненья,
Как все, ждала освобожденья
Скульптура мраморная — Мир.

И вот служителями парка
Уборка свернута и варка,
С утра покинуто жилье.
Сюда, сюда народ стекался,
Никто, никто не сомневался,
Что надо начинать —
С нее.
Ведь обещаньем жизни, света
Для всех была скульптура эта
Под небом Родины литым,
Она сулила счастье дому,
И дорога была любому
Одним уж именем своим.
И потому легко вначале
Лопаты о землю стучали,
Звенели, душу веселя.
Но неприступней стала втрое,
От свежей ржавчины и крови
Отяжелевшая земля.
Она как будто в полной мере
Уже боялась Мир доверить
Питомцам горестным своим,
Хоть ветер близкой Пискаревки
Гудел о долгой голодовке,
И жертвах голосом глухим.
От напряженья,
Долгой муки
Тряслись у старых женщин руки,
В глазах мутился белый свет.
Дорылись наконец.
И что же!
Мороз... Мороз прошел по коже:
Все доски — тут
Скульптуры — нет.
И, потрясенные, в печали
Молчали женщины, молчали,
Как бы лишившись разом сил.
Не возникало и сомненья,
Что Мир
Во время отступленья
От злобы немец погубил.
Но было все, как прежде было:
И не раскопана могила,
Замет не сбито ни одной.

А приглядеться настоящей,
Не стронут даже с места ящик,
А только выломано дно.
Что за таинственная сила?
И Колю словно осенило.
Обычно робок и несмел,
Тут, оказавшись первым в яме,
Он начал землю рыть руками,
И странно взгляд его горел.
И люди поняли без слова
Догадку Колину.
И снова
Ладоням было горячо.
И скоро свежестью пахнуло,
Лишь белым мрамором сверкнуло
Высокородное плечо.
...Художник после много думал
О том трехлетия угрюмом,
Где цвел и правил произвол.
И Мир
Под плач родной березки
Сам продавил локтями доски
И в землю-матушку ушел.
Чтоб не душил кровавый запах,
Чтоб не стонать в садистских лапах —
Пусть лучше камни сдавят грудь, —
Не знать,
Не слышать чуждой речи,
Весь шар земной взвалить на плечи —
А до Победы дотянуть.
И вот она пришла, Победа,
В листву зеленую одета,
Пришла в короне майских гроз,
Явилась с полной чашей счастья,
Надежд, и славы, и согласия,
И бурной радости, и слез.
Но до нее не каждый дожил.
И нынче памятен до дрожи
Обряд военных похорон.
И видеть лишь дано счастливым,
Как синь на солнце золотится
И Мир
На место
Возвращен.

В нем та же стать
И та же воля,
И доброта ржаного поля,
И тишина морских глубин.
Но только больше, чем когда-то.
Лицом, похожим на солдата,
Стал этот Мир
Из-за щербин.
А возле ног его, как ранка,
Сочится тихая Славянка,
Тальник прибрежный шевеля.
Порою в сумраке зеленом
Она вздохнет —
И долгим стоном
Ей вторит русская земля.

1970

Павловск Москва – Вологда

ЛИПОВИЦА

Лирическая поэма

1

К родному дому топаю по пыли,
Со всех сторон облаянный опять:
Меня собаки старые забыли,
А молодяжкам
Неоткуда знать.
Порог оброс могучею крапивой,
В ней нынче свой гарем пасет петух.
А дом стоит.
Целехонек на диво.
Все сохранилось.
Лишь очаг потух.
Сосед рукою машет из окошка:
«Входи, мы закруглили сенокос.
Все на столе: и грузди, и картошка,
Пора цеплять к закуске паровоз».
Но нет охоты прежней веселиться
И, вскинувшись, бежать на первый крик.
Мне лучше там,
Где вечно копошится
С потрепанною упряжью
Старик.
«Что, потянуло к липовицкой травке?
Старуха, нацеди-ко нам кваску,
Нашарь да вынь остаток из-под лавки,
Да вышпарь прошлогоднюю треску. —
Он все чудит: —
А мы живем не худо.
По пьянке сын острижен догола.
Медвежий угол вот,
А и досюда,
Как видишь, мода новая дошла».
И долго смотрит он при свете солнца
На огороды в прутьях лебеды
И снова — на протухшие колодцы,

Где десять лет
Не черпали воды.
Где, слушая вздыхающие деревца,
Оставленные избы и сейчас,
Как раненые в клиниках, надеются
И ждут, когда повязку снимут с глаз.
«А ты, отец, погрел бы гостя в бане, —
Старуха из угла отозвалась, —
Да у него, поди-ко, и в стакане
За разговором плесень завелась».
Все это помню, кажется, с пеленок:
И бабушку, и баньку у реки,
Потрескиванье каменки каленой
И веника чистового шлепки.
Старик, что паровик перегруженный,
Попыхивает, лежа на досках:
«Вот даже пар какой-то стал тяжелый,
А ведь кваску на каменку плескал, —
И голосом раздумчивым и хриплым: —
А как, бывало, парилось в страду,
Когда еще на Липовице
Липы
Настаивали воздух на меду.
Вокруг деревни людной — ты подумай —
Они цвели во всей своей красе...
Никто не слышал их ночного шума,
Зато дыханье чувствовали все».
А мне давно не терпится услышать
Однажды упомянутую вскользь
Историю, которая здесь вышла,
Понять, с чего здесь дело началось.

2

Когда-то мужики — не без умишка, —
Примерясь,
На последние рубли
Срубили у болота
Три домишка
И Липовицей славно нарекли.
Дышало лето зноем и покоем,
И паренек смотрел во все глаза,
Как ласточка кружилась за рекою
И над водой висела стрекоза.

А мужики,
 В подзол пуская корни,
 Моршковые дни хвалили всласть:
 «Не будет хлеба —
 Ягода прокормит
 И речка с лесом
 Не дадут пропасть».
 Не зря трещали подлые сороки:
 Катились грозовые к сердцу сроки,
 И, вытерев испарину на лбу,
 Перекурить усевшись на пороге,
 Те плотники деревне,
 Как пророки,
 Предсказывали точную судьбу.
 Война сусеки выметет до крошки,
 И вновь для голодающих ребят
 Спасительные ягоды морошки,
 Как солнышки,
 Болота озарят.
 Уйдег с овсом последняя подвода,
 Последняя кобыла рухнет в грязь,
 Но не позволит русская природа
 Родимым людям
 С голоду пропасть.
 Она усыплет ягодой пригорки,
 Она посадит — вся протест и бунт —
 На каждую березу — по тетерке,
 Под каждую осину — по грибу.
 А липы, видя маянье народа,
 Равняясь на его голодный труд,
 Последнюю —

с горчинкой —

каплю меда

Пчеле мобилизованной сдадут.
 И Липовица в яростном усилье
 Закусит, изнуренная, губу
 И, как всегда,
 По-честному с Россией
 Картошину разделит
 И судьбу.

И над ее кладбищами, не мята,
 Качаться будет скорбная трава,

А в сорск пятом

и ее солдатам

Отсалютует майская Москва.

Придут иные беды и заботы,

И грязи будет выше голенищ.

Но жарким хмелем пахнувшие соты

Покроют горький запах пепелищ.

И поплывут, густея и тревожа.

Но вскорости

В соседних поясах

Понадобится будто бы рогожа,

И липы постареют на глазах.

А небеса качнувшиеся охнут,

Надломится осока над ручьем.

Ободранные липы быстро сохнут

И больше не притягивают пчел.

Но все ж, дыша безгрешно и целебно,

Каким-то чудом тех далеких пор

Единственная липка уцелеет,

Как память,

Как надежда

И укор.

Она, за всех одна, в ветвях разлапых

Цветы, как драгоценность, затая,

Поддерживать возьмется добрый запах

Недавнего покоя и житья.

И, умываясь росами с восходом,

Она не будет долго понимать,

В июне исходя тоской и медом,

Что ульев стало

Некому держать.

3

Молчали мы.

Внизу река шумела

И пенилась. Как будто повесть ту

Пересказать по-своему хотела —

Уже с веселым камушком во рту.

Но вот старик, вздохнувши грудью хилой,

Надумал что-то выразить, кажись:

«Немало мне потребовалось силы,

Чтобы прожить на этом свете жизнь. —

И больше не пошевелил губами,

А только бросил около ворот: —

Ты не ложись на сено после бани:
Боюсь, что ночью
Иней упадет».

Но за окном то выл холодный ветер,
То плакал, то насвистывал в кулак.
Я слышал, как в стекло скребутся ветви
И вглядывался долго в полумрак.
А утром я не мог сдержать улыбки,
Поняв, что это шумно и давно
Три тонкие молоденькие липки
Заглядывают в низкое окно.
Старик не разделил моих восторгов,
Но, чуя мой непраздный интерес,
Он посмотрел внимательно и строго
И приказал мне собираться в лес.
От взглядов и больших путей в сторонке,
От ручейка лесного невдали
Две младшие беспечные сестренки
Моих знакомиц утренних
Росли.

Старик увидел их и словно ожил:
«Я приглядел давно уж,
Но пока
До времени сестричек не тревожу,
Хочу, чтоб прижились
Наверняка.
Дождусь, когда начнут сезон на белок
И градус твердо двинется к нулю.
Ты что их заобсматривал, как девок?
Уж больно поглянулись — уступлю.
Посадим под передние окошка,
Глядишь, и станет — смолоду близка —
К порогу позаметнее дорожка,
А в сердце поизбывнее тоска».

Стояло небо осени над нами,
Какой-то жук по корню проползал.
Старик не очень ладил со словами
И главное —

глазами досказал:

«Нельзя, чтоб затянуло память мглою.
Смотрите, жутко будет в кой-то час
Родством гордиться с дедовской землею,
Когда она совсем забудет вас».

Не бойся, не тревожься, старый конюх,
Оставленный на тихом берегу.
Я заповедь твою не просто помню —
Теперь уже не помнить не могу.

Стихи

Жребий	3
Русь	6
«Река работала, как лошадь...»	7
Деревья	8
«О, если б мы, добры и чутки...»	9
«Кому чего, как говорится...»	10
«Я ночевал под старым виноградом...»	11
«Наслышался сказок и я...»	13
«Катятся тяжелые колеса...»	14
«И уважение, и честь...»	15
Мальчишки из далеких деревень	16
«Я для сосен, видно, создан...»	18
«Над Русью проплывают облака...»	20
На сенокосе	21
«Музыка льется с небес...»	23
«Прекрасно однажды в России родиться...»	24
«Откуда сразу столько света...»	25
Терпенье	26
«Доверчивым сердцем славянским...»	28
«Сидели бабы на скамейках...»	29
«Худо сплю и замечаю...»	30
«И ветер, и дождь, и ненастье...»	31
«Мокрый клен освещала луна...»	32
«С утра петляя меж стволов...»	33
«Душа моя — осенний лес...»	34
«В природе проснулась мятежная страсть...»	35
«О чем печалится природа...»	36
«Присмирел и притих мой край...»	37
«Пора, пора скупее дни расходовать...»	38
«Третий выстрел принес мне удачу...»	39
«Раздетый лес шумит неподалеку...»	40

«Я булыжную осень оставил...»	41
«На родине моей пустынно и светло...»	43
«Уже примерзает болото...»	45
«Солнышко выгуливает мало...»	46
«Все. Теперь зима вдоволь повоет...»	47
«Когда, от стужи обессилев...»	48
«Весь день летит какой-то мелкий снег...»	49
«Поднавалило снегу за ночь...»	50
«Не найду я защитного средства...»	51
«Погляжу в окно...»	52
«Природа пробуждается от сна...»	54
«Зови меня к себе, зови...»	55
«Говорят, я родился с рассветом...»	56
«Потому ли, что снова в деревне...»	58
«Какая-то прозрачная печаль...»	59
Косач	60
«Вновь у меня кружится голова...»	61
«Тяжелый хлеб едят поэты...»	62
Памяти Николая Рубцова	63
Скульптор	65
«Не зря сравнила ты...»	67
«О вера наших матерей...»	68
«Мои долги подсчитывал обрат...»	69
«Ребята из средней России...»	70
Солдатская шутка	71
«Не чья-то властная немилость...»	72
«Казарма пахнет не духами...»	73
«Мы моем пол...»	74
Ученья	75
«Такое катилось над горкой...»	76
«Матери рожают не солдат...»	77
«Мир стал объясним и обычен...»	78
С возвращением	79
«Все однажды миновало...»	80
«Отбиваясь от грусти упорно...»	81
«Все истосковалось...»	82
«Чтоб дышалось мне светлей и проще...»	83
«Была дарована и нам...»	84
«Тихо расстаемся у вокзала...»	85
«Четыре недели на юге...»	86
«Приходит позднее прозренье...»	87
«Мне так тебя встречать не хочется...»	88
«Твои глаза — как тихий переулочек...»	89
«В доме твоём небогретом...»	90

«Сколько прошло — я не помню...»	92
«Крутые отрицатели покоя...»	94
«Ах, скорый поезд, скорый поезд...»	95
«Заброшу я постылое жилище...»	96
«Еще копаются окопы...»	97

Поэмы

Славянка	101
Липовица	120

Виктор Вениаминович Коротаев
СТИХИ И ПОЭМЫ